

Х Р О Н И К А

ВЕЧЕР МОСКОВСКИХ ПОЭТОВ В КЛУБЕ-81 ^ж

II мая перед членами и гостями Клуба-81 выступили семь московских поэтов: Бахыт Кенжеев, Ольга Седакова, Юрий Кублановский, Лев Рубинштейн, Дмитрий Пригов, Нина Самойлович и Владислав Лён. Их творчество представляет практически весь спектр нынешней молодой московской поэзии. Все поэты принадлежат к одному поколению, которое оформилось в литературе в конце 60-х годов как два параллельных направления: одно характеризуется углубленной разработкой традиционных для русской и старой европейской поэзии мотивов, а другое представляет, может быть, наиболее радикальную за последние 50 лет попытку выйти за пределы традиционного поэтического языка, создать, исходя из современных языковых и ментальных штампов, образно-поэтическую систему, адекватную сознанию современного носителя русского языка.

Крайним выражением "классической тенденции" можно считать творчество Ольги Седаковой, где тонко реконструируются такие "вечные" мотивы европейской поэзии, например, как любовь Тристана и Изольды, и где используются изысканные формы средневековой лирики, а влияние поэтического мира Данте является едва ли не доминирующим. "Классичен" и Юрий Кублановский, хотя некоторые его стихи не лишены внешних бытовых примет современности. Однако, общая тенденция их, пассивистическая по сути, некоторый сознательный автоматизм в выборе поэтической формы и не менее сознательный отказ от какого-либо словесного экспериментаторства окрашивает поэзию Кублановского в "цвет здорового консерватизма", как выразился один из слушателей.

Творчество Льва Рубинштейна и Дмитрия Пригова по своим внутренним задачам представляется мне полярным, диаметрально противоположным "неоклассицизму" Седаковой. Тематическая актуальность поэзии Пригова беспрецедентна, но естественным образом вытекает из его

своеобразной эстетической концепции, основанной на использовании языковой и мировоззренческой двусмысленности, которая укоренена в сознании большинства наших современников. Ярво выраженный "непоэтизм" стихов Пригова и "антипоэтизм" машинных текстов Рубинштейна — это, пожалуй, два наиболее значительных и живых явления "левого края" поэтической Москвы. При всем различии между ними, они в равной степени демонстрируют антиромантические тенденции, которые противостоят господствующему "высокому" представлению о том, каким должен быть поэт.

Поэтические миры Бахыта Кенжеева, Нины Самойлович и Владислава Лёна располагаются между "левым" и "правым" полюсами, и, может быть, именно эта промежуточность несколько затрудняла их восприятие на вечере и создавала впечатление, возможно обманчивое, что не проясненность и невыраженность позиции каждого из поэтов есть следствие творческой робости и неоформленности.

Большинство членов Клуба было и раньше так или иначе знакомо с творчеством Седаковой, Кублановского, Самойлович, Пригова и Рубинштейна. Стихи Кенжеева и Лёна многим известны хуже. Возникает вопрос: прибавил ли вечер московских поэтов что-либо существенное к тому, что мы о них знали прежде? В случае отрицательного ответа может встать и следующий вопрос — о целесообразности такого рода вечеров. Мне думается, что вечер был удачным и поучительным. Несмотря на резкую поляризацию, московская молодая поэзия впервые предстала перед нами как единое и цельное явление. Мы почувствовали, насколько велико различие между поэтической атмосферой Ленинграда, где "левый край" работы со словом почти не представлен, и Москвы — где отношение к слову лишено той медитативной углубленности, юторая характеризует ленинградскую поэзию в целом. Я расспрашивал разных людей — поэтов и прозаиков, критиков и просто гостей Клуба — об их впечатлении от вечера. Мнения были настолько неоднородны, что стало очевидно: каждый из выступавших московских поэтов /пожалуй, исключая только Вл. Лёна/ приобрел в Ленинграде если не поклонников, то по крайней мере людей, искренне заинтересовавшихся его творчеством. Наиболее спорные мнения вызвали тексты Л. Рубинштейна. К сожалению, для большинства они оказались просто непонятными или эстетически неприемлемыми, что, на мой взгляд, свидетельствует об отсутствии у нас культуры восприятия явлений новейшего искусства, об известной инерционности "ленинградского вкуса". Некоторые выделяют выступление Седаковой, другие же считают, что оно прошло бледно и как-то скомканно в сравнении с тем, как выглядят ее стихи с листа.

Она действительно читала мало по времени, не более 10 минут.

Несомненным успехом пользовались стихи Пригова и Кублановского, причем те слушатели, кому понравились тексты Пригова и Рубинштейна, скептически высказывались о Кублановском — и наоборот.

Выступление Кенжеева — он читал в наиболее невыигрышной ситуации: первым, на неподготовленный зал — вызвало довольно прохладную реакцию, но высказано и такое мнение, что единственная удача вечера — стихи Кенжеева.

Подобный разброс оценок, на мой взгляд, только подтверждает творческую целесообразность встреч с москвичами. Хотя через все высказывания красной нитью проходил "вечно-патриотический" мотив /"у нас-де есть поэты и посильнее!"/, — общее впечатление — отрадно и обнадеживающе.

00000000